

Я поднял глаза на серьезное и красивое лицо Сун Чэна, и мне показалось, будто меня ударило током, я почувствовал давно забытое волнение. Это было не то чувство, которое возникает при виде красивых лиц, а скорее то, что я испытывал в юности, когда видел спящего Ян Чэня в легком весеннем свете, и мое сердце начинало бешено биться, даже если учебник был перевернут вверх ногами.

Меня никогда раньше не окружали такой чистой нежностью, и я был не в силах сопротивляться, да и не хотел. Перед лицом бушующих чувств я сдался, словно притянутый гравитацией, безоглядно погрузившись в весеннее солнце, которым был Сун Чэн.

Я тоже хотел удержать что-то в своих ладонях... будь то обычная жизнь, тихий пруд или случайно присевшая бабочка. Каждый человек должен быть любим тем, кто любит его всем сердцем, пережить взаимное чувство, которое приходит вовремя, и хоть на мгновение почувствовать, что готов умереть за этого человека. Только тогда жизнь можно считать полной.

Даже если он любит только половину меня, скрытую под маской, у меня больше не будет сожалений.

На обратном пути я написал Ян Чэню, что у меня температура. Он не ответил, вероятно, был занят. Я вернулся к нему домой. Хлорид натрия еще не выгуляли, и он, увидев меня, радостно бросился ко мне.

— Прости, у меня срочные дела, тебе придется подождать, пока Ян Чэнь вернется и выведет тебя погулять.

Я погладил его по голове и, собравшись с духом, зашел в ванную, решив как можно быстрее принять холодный душ, чтобы действительно заболеть и не быть разоблаченным, если вдруг моя ложь о простуде и температуре раскроется.

Я пролежал в холодной ванне полчаса, пока не почувствовал, что если не выйду сейчас, то умру. Горло болело еще сильнее, даже глотать слюну было больно. Завернувшись в халат, я дрожал всем телом, холод проникал в кости. Взглянув в зеркало, я увидел, что мои губы посинели. Я подумал, что на этот раз я действительно пошел на крайние меры, доведя игру до предела.

Я посмотрел на телефон, было около восьми вечера. Ян Чэнь ответил, что уже в пути. Я быстро взял несколько согревающих пластырей и приклеил их на лоб, чтобы создать видимость высокой температуры, затем, дрожа, завернулся в одеяло. Хлорид натрия с недоумением положил лапу на край кровати, его большие черные глаза смотрели на меня.

— Хорошо, что ты не умеешь говорить, — я лежал в теплой постели, лоб горел от пластырей, тело то нагревалось, то охлаждалось, и я начал по-настоящему чувствовать себя плохо. Я взял лапу Хлорида натрия, мой голос был еле слышен. — Иди к двери, твой папа скоро придет.

Дверь открылась, Хлорид натрия радостно бросился навстречу. Я быстро сорвал пластырь с лба и сунул его под подушку, одновременно услышав голос Ян Чэня:

— Что случилось? Почему вдруг температура?

Он вошел в спальню и сел на кровать, я почти сразу почувствовал запах алкоголя. Когда он потянулся, чтобы потрогать мое лицо, я недовольно отвернулся. Щеки Ян Чэня слегка покраснели, не то от холода, не то от выпитого. Он нахмурился, прикоснулся ко лбу:

— Температура есть. Сначала найду градусник, лежи, я позвоню врачу.

— Не надо... — я повернулся и остановил его, слабым голосом сказав. — Я уже мерил, 38.2. Не страшно, выпью лекарство, все будет хорошо, правда.

Он легонько похлопал меня по щеке, его прическа была стильной и аккуратной, несколько прядей спадали на лоб. Он прищурил узкие глаза, внимательно глядя на меня:

— Сюй Цзюньян, вышел погулять и подхватил температуру, ты даешь?

— Откуда мне знать, может, на улице было слишком холодно, — я шмыгнул носом, сейчас у меня действительно начался насморк, говорить было больно, и виски пульсировали. Я протянул руку из-под одеяла и дернул его за край рубашки, сдаваясь:

— Почему так поздно вернулся? Я скучал по тебе.

Он фыркнул:

— Еще жалуешься, баловень! Когда я получил твое сообщение, я только сел за стол, несколько гостей ждали, все важные связи. Мне нужно было все уладить, понимаешь? И даже так меня эти чиновники-родственники заставляли пить больше часа, прежде чем я смог уйти. Я никогда не чувствовал себя так униженно, уйти раньше времени, но пить за всех, и все из-за твоих слов.

Я промолчал, он щелкнул меня по щеке:

— Ладно, не нравится запах алкоголя? Я быстро приму душ, все будет готово.

Он быстро помылся, вытер мокрые волосы полотенцем и пошел искать лекарства и воду, заставляя меня сесть и выпить таблетки. Я держал в руке несколько капсул, думая, что пока не болен, не знаю, есть ли побочные эффекты от лекарств, но Ян Чэнь решил, что я просто не хочу их пить, и настойчиво сказал:

— Всего две штуки, запей водой, не выпьешь — не поправишься, понял?

Я вздохнул и послушно принял лекарство. Ян Чэнь взял стакан и приготовил мне порошок, заставив выпить. После этого он принес воду для полоскания и стакан, чтобы я прополоскал рот. Мой голос звучал еле слышно, как будто я был серьезно болен, но причина этого была известна только мне:

— Я могу сам...

— Сиди, завернись в одеяло. Какой же ты слабак, вышел на ветер — и сразу температура.

Его тон был раздраженным, но действия — заботливыми. После полоскания он положил на мой лоб горячее полотенце, и как только оно остывало, заменял его новым. Повторяя это несколько раз, я начал чувствовать неловкость:

— Ян Чэнь, хватит, ложись ко мне, хорошо?

Он посмотрел на меня. На самом деле, его постоянные выходы из комнаты вызывали у меня головокружение, и я старался выглядеть искренним:

— Я хочу обнять тебя.

Ян Чэнь положил полотенце, залез под одеяло и лег рядом, позволив мне положить голову на его грудь, и только тогда сказал:

— Доволен? Требовательный какой.

Я услышал в его голосе удовлетворение и радость, он не был действительно недоволен, и это заставило меня улыбнуться. К сожалению, горло болело так сильно, что я не мог смеяться, только обнял Ян Чэня за крепкий торс, случайно коснувшись его пресса. Он схватил меня за запястье:

— Температура, а ты еще хулиганишь? Если доведешь до того, что я возбуждусь, ты будешь отвечать?

Говорят, что пьяным трудно возбудиться, но Ян Чэнь, похоже, был в порядке. Я так подумал, но моя рука послушно сцепилась с его пальцами. Тело Ян Чэня было горячим, я все еще чувствовал холод после ванны, и прижаться к нему было очень приятно. Вскоре я действительно начал засыпать.

— Сегодня я тебя прощаю, — я слышал, как Ян Чэнь говорил, но был слишком сонным, чтобы понять его слова, его голос становился все тише, пока я не перестал его слышать. — Не доводи себя до болезни, слушай меня, сиди дома, и все будет хорошо...

«Сколько слов. Я подумал, но если это помогло скрыть правду, то болезнь стоила того».

Я ошибся.

Я переоценил свои физические возможности. Холодная ванна прошлой ночью привела к тому, что на следующий день у меня действительно поднялась высокая температура. По словам Ян Чэня, когда он проснулся утром, я уже бредил, все тело горело, как уголь, и я стал говорить бессвязно, что сильно его напугало. Он сразу же отвез меня в больницу, где врач сказал, что у меня слабое здоровье, иммунитет ниже, чем у обычных людей, и если бы он опоздал, у меня могла бы развиться острая пневмония.

Когда я пришел в себя, лежа на больничной койке с капельницей, Ян Чэнь, который провел рядом весь день, отчитал меня. Его лицо было мрачным, как черная сковорода. Он вручил мне тарелку каши и, ответив на звонок, поспешно ушел — у него было много дел, и он не мог всегда быть рядом, но даже это было редкостью.

На улице было пасмурно, казалось, я просто уснул и оказался в больнице. Видимо, в будущем нельзя так рисковать, притворяться больным — это крайняя мера, и использовать ее нужно только в самом крайнем случае. Мне стало скучно, я, преодолевая головную боль, достал телефон и кое-как ответил на сообщения Сун Чэна, затем снова лег, глядя на постепенно темнеющий потолок.

В частной палате было тихо, за дверью иногда слышались звуки колес и легкие шаги. Казалось, все забыли о существовании Сюй Цзюньяня, никто не знал, что я здесь, никто не придет навестить меня. Давящее одиночество окутало меня.

Когда-то меня избили люди, нанятые Сюэ Кэмин, и я лежал в больнице один шестнадцать дней.